

— Вто... второй дедушка, почему ты здесь?!

Старик, которого называли вторым дедушкой, выглядел холодно и даже не ответил; он лишь равнодушно взглянул на Юань-нян и снова отвернулся.

От этого взгляда у Юань-нян в душе всё сразу поднялось и опустилось, и, пока она не знала, как ей реагировать, отец и мать Юань уже услышали шум и подошли.

— Второй двоюродный дядя, когда ты пришел? Почему не сел на почетное место?

— Да, второй двоюродный дядя. Ты ведь старший, как это - сидеть здесь?

Старик Юань молчал и по-прежнему стоял к ним спиной, явно в таком виде, будто разозлился до крайности. В последние дни он и правда чувствовал себя нездоровым, но сегодня утром поднялся и ощутил, что телу стало немного легче. Помня, как обычно почтительно и заботливо относятся к нему люди семьи Юань, он специально велел ученику привезти его сюда. Но когда он приехал, пир уже начался, и старик Юань не хотел снова идти вперед и тревожить остальных, поэтому просто нашел сзади свободное место и сел, собираясь после еды подойти к своему двоюродному племяннику и поздороваться. Кто бы мог подумать, что он услышит такие слова.

А ведь люди семьи Юань перед ним частенько вспоминали прежние дни в деревне, говорили, что уездный город хоть и хорош, но всё же не сравнится с деревней. Мол, когда в будущем накопят достаточно серебра, всё равно вернуться в деревню, купят пару му земли и будут жить простой жизнью. Он тогда еще считал, что люди семьи Юань честные, простые и умеют хранить свое изначальное сердце. А теперь, глядя на это, боялся, что всё они говорили лишь ради того, чтобы ему угодить. И он сам, оказывается, ничего не заметил и был обведен вокруг пальца младшими.

Стоило подумать об этом, как старику Юаню показалось, будто на грудь ему лег тяжелый камень, из-за которого даже дышать стало мучительно тяжело.

Увидев, что старик Юань не желает обращать на них внимания, у всех членов семьи Юань в душе одновременно екнуло. Отец Юань осторожно заговорил:

— Второй двоюродный дядя, те слова Юань-нян только что были шуткой, не принимай их всерьез.

Мать Юань сказала:

— Второй двоюродный дядя, ты старший, не стоит так уж с ней считаться.

Лучше бы мать Юань этого не говорила: стоило ей произнести эти слова, как лицо старика

Юаня тут же стало еще чернее. Потому что ее слова на вид будто уговаривали его, но на самом деле она давила на него положением и именем старшего. Если он продолжит считаться, выходит, он не достоин быть старшим в их семье Юань.

Старик Юань холодно рассмеялся несколько раз и почувствовал, что прежде он и правда был глуп: считал семью Юань, забывающую о долге ради выгоды, сокровищем.

Он немного устало махнул рукой.

— Всё, хватит стоять рядом со мной. Вам не стыдно, а мне стыдно.

Услышав это, члены семьи Юань поспешно огляделись по сторонам и увидели, что гости все как один смотрят на них и вполголоса переговариваются. Пусть слов было не разобрать, но хорошего там, в любом случае, быть не могло.

Семья Юань тоже поняла, что продолжать так дальше нельзя, и оставалось лишь, оглядываясь на каждом шагу, вернуться вперед.

Гу Дао стоял в стороне с тарелкой красных яиц в руках и, глядя на то, какими тревожными, вялыми и поникшими стали люди семьи Юань, чувствовал, что это чрезвычайно смешно. Когда Юань-нян только что сказала, что приготовленные им блюда не годятся для приличного стола, он уже стоял рядом и сперва хотел подойти и поспорить с ней немного. Кто бы мог подумать, что тот самый второй дедушка заговорит первым и поможет ему отплатить словом за слово. Он не только так ответил семье Юань, что те лишились дара речи, но заодно еще и вскрыл их старое дно.

Гу Дао почувствовал себя так легко и радостно, будто дух очистился, и чем дольше смотрел на этого второго дедушку, тем приятнее казался ему его облик.

— Последнее блюдо - красные яйца.

Гу Дао понес тарелку с нарезанными красными яйцами к столу второго дедушки. Так называемые красные яйца готовили из вареных яиц: после варки их очищали от скорлупы и затем проваривали в воде с красным дрожжевым рисом. Это был местный обычай для пира в честь первого месяца младенца. Гу Дао счел, что есть их просто так будет безвкусно, поэтому специально смешал чашку приправленного соуса и полил сверху.

С небольшой личной симпатией он нарочно поставил красные яйца чуть ближе ко второму дедушке.

— Гу Дао, этот пир готовил ты? - раздался удивленный голос.

Гу Дао посмотрел на звук и увидел, что это Гуань Хун, поэтому улыбнулся.

— Да. Второй брат Гуань, как тебе?

— Конечно, хорошо. Я еще думал, почему так ароматно и вкусно. Знал бы раньше, что готовишь ты, утром не ел бы так много. Из-за этого сейчас я и съесть-то почти ничего не смог.

— Второй брат Гуань шутит. Если второй брат Гуань захочет поесть, в следующий раз приходи ко мне домой, я отдельно приготовлю для тебя.

Второй брат Гуань хе-хе рассмеялся:

— Хорошо, я это всерьез приму. В следующий раз, когда приду, ты должен снова приготовить мне порцию свинины Дунпо.

Сказав это, он повернулся к старику Юаню рядом:

— Учитель, это как раз тот повар, который в прошлый раз приготовил для вас свинину Дунпо.

Услышав это, старик Юань с большим интересом посмотрел на Гу Дао. Та чашка свинины Дунпо в прошлый раз была такой ароматной, что он вспоминал ее несколько вечеров подряд. Если бы не недомогание последних дней, из-за которого ему нельзя было есть слишком жирное, он во что бы то ни стало велел бы ученику привезти ему еще несколько чашек.

Не ожидал он, что свинину Дунпо в этот раз не попробует, зато по случайному стечению обстоятельств отведаёт другие блюда того же повара.

— У тебя не только свинина Дунпо хороша, остальные блюда тоже чрезвычайно вкусные.

— Благодарю второго дедушку Юаня за похвалу. Если вы в следующий раз захотите поесть, пусть второй брат Гуань вернется и передаст мне, я приготовлю для вас.

Дед Юань весело улыбнулся, словно именно этих слов от Гу Дао и ждал:

— Хорошо, тогда я, старик, церемониться не стану. Не зови меня вторым дедушкой, зови дедом Юанем, так ближе.

— Дед Юань.

— Эй, — отозвался старик Юань.

Говорили они не тихо, а маленький двор в этот миг был особенно спокоен, поэтому их слова всё же долетели до ушей семьи Юань. Юань-нян слушала и едва не прокусила нижнюю губу. Она и

правда не ожидала, что свинину Дунпо, о которой второй дедушка часто вспоминал в последнее время, приготовил именно этот деревенский повар. Знала бы раньше, зачем бы ей говорить те слова? Юань-нян раскаивалась так, что кишки у нее чуть не позеленели.

Тарелка красных яиц была небольшой, и все съели их в несколько глотков. Закончив трапезу, старик Юань вытер рот и не забыл зайти на задний двор попрощаться с Гу Дао, только после этого направившись наружу. Люди семьи Юань, увидев, что старик Юань собирается уходить, уже не могли думать о гостях и всей семьей поспешно бросились следом.

Но второй дедушка уже сел на ослиную повозку. Они гнались за ним целую ли, и бежали, и кричали, но так и не догнали; в конце концов им оставалось лишь беспомощно вернуться.

После того как люди семьи Юань ушли, маленький двор семьи Гэ уже гудел оживленными обсуждениями. Кто-то говорил, что семья Юань тогда пришла, спасаясь от бедствия. Кто-то еще говорил, что они всю дорогу добирались, выпрашивая еду, и при этом клятвенно уверял: его родная мать тогда даже дала им чашку воды.

Правда это была или нет - никто не знал, но в любом случае всё было примерно в таком духе. Старик Гэ слушал рядом и чувствовал, что за всю жизнь еще никогда так не позорился. Он хотел воспользоваться этим пиром в честь первого месяца младенца, чтобы хорошенько выпустить пар перед деревенскими и заодно крепко придавить сватов, но не ожидал, что вместо этого все увидят такой большой позор его семьи.

Стоило подумать об этом, как старик Гэ невольно стал сердиться на сватов и невестку; когда Юань-нян вошла обратно, взгляд, которым он на нее посмотрел, был уже полон недовольства. Если бы это было раньше, старик Гэ ни за что не осмелился бы смотреть на невестку таким взглядом. Во-первых, семья невестки жила хорошо, а во-вторых, вся ее семья была из уездного города, и второй дедушка в их доме был еще и важным человеком. Он не смел показывать невестке недовольное лицо.

Но теперь всё было иначе. Он ведь слышал, как городские гости говорили: семья невестки, похоже, пришла сюда, спасаясь от голода, так что даже с ним не сравнится. А с ее вторым дедушкой, судя по виду, они тоже рассорились. Тогда чего ему бояться?

— Юань-нян, ты посмотри, что ты наговорила. Если бы не твой длинный язык, разве хороший пир в честь первого месяца младенца мог бы превратиться в такое?

— Мой длинный язык? Если бы вы не настояли устроить пир в честь первого месяца в деревне, разве было бы столько проблем?

Стоило Юань-нян теперь вспомнить, как она снова начинала злиться. Тетушке угодить не удалось, да еще и второго дедушку разгневали. Старое дно их семьи тоже было вывернуто наружу, и она уже не знала, как после возвращения в уездный город смотреть людям в глаза.

Старик Гэ, разумеется, признавать за собой вины не собирался и тут же возразил:

— Ты как разговариваешь? Я ведь твой свекор.

У Юань-нян от злости покраснели глаза. Будь это прежде, разве старик Гэ осмелился бы так с ней говорить? Она тут же резко закричала:

— Нет у меня такого деревенского свекра!

— Ты...

— Хватит, - увидев, что они вот-вот начнут ссориться, мать Юань поспешно вышла вперед и тихо напомнила: — Здесь еще люди. Сегодня и так достаточно опозорились, не надо снова давать другим повод смеяться.

Только тогда Юань-нян заметила, что во дворе еще остались гости. Сейчас все они смотрели на их семью сверкающими глазами, словно наблюдали представление, и ждали продолжения с огромным нетерпением. Даже помощницы на заднем дворе наострили уши и время от времени поглядывали в ее сторону. Юань-нян почувствовала стыд и силой проглотила слова, уже готовые сорваться с языка.

Но старику Гэ на это было плевать. Он открыл рот и хотел как следует проучить невестку еще парой фраз, однако увидел, как Гу Дао прямо направился к нему и сразу заговорил о деньгах.

— Лао Гэ, я уже приготовил угощение, пора рассчитаться.

Стоило речь зайти о расчете, старик Гэ сразу поник и забормотал:

— Какой еще расчет?

Гу Дао негромко усмехнулся:

— Конечно, за пир в честь первого месяца. Всего восемь столов, итого четыреста восемьдесят вэней.

Старик Гэ сделал вид, что не понимает.

— Разве не было сказано: если не приготовишь тот самый вкус, то платить не надо?

— Да. Но, очевидно, я его приготовил. Все ели так радостно, особенно вы - вы съели больше всех. Разве не так, люди?

Помогавшие на кухне тетушки, уже почти закончившие свои дела, одна за другой подтвердили, что так и есть; даже невестка Гэ рядом стала поддакивать:

— Второй дядя, разве нам жалко этих денег?

Тетя Лю сказала:

— Старик Гэ, ты ведь не потому не платишь, что не можешь достать деньги?

Тетя Ван подхватила:

— По-моему, так оно и есть. Старик Гэ всё-таки уступает городским сватам, четыреста восемьдесят вэней для него всё же многовато.

Сказав это, все без всякой вежливости рассмеялись, а гости, которые еще не ушли, тоже стали держаться за животы от смеха. Старое лицо старика Гэ вспыхнуло; ему стало и стыдно, и досадно. Стыдно — потому что над ним смеялось столько людей, а досадно — потому что кто-то сказал, будто он уступает сватам.

— Кто сказал, что я уступаю?

Юань-нян тихо рассмеялась.

— Четыреста восемьдесят вэней не можете достать, а еще смеете смотреть на других свысока. По крайней мере, я не стала бы задерживать повару плату.

— Кто сказал, что я задерживаю? Я... я просто не слишком доволен вкусом на этот раз.

— О? И чем же вы недовольны? — спросил Гу Дао.

— Это... я...

— По-моему, он просто не может достать деньги.

— Юань-нян, — мать Юань тихо ее одернула, а затем с улыбкой посмотрела на старика Гэ. — Если сват не может достать, как насчет того, чтобы я сначала заплатила?

Голос ее был мягким, но насмешку и презрение в глазах скрыть было невозможно.

Старик Гэ едва не потерял сознание от злости.

— Подумаешь, четыреста восемьдесят вэней! Старуха, иди достань из-под моей кровати.

Старуха Гэ с тревогой вцепилась в рукав старика Гэ. Разве они не договорились, что платить не будут?

Старик Гэ выпучил глаза и сердито сказал:

— Быстро иди.

Нельзя же было позволить сватам смотреть на него свысока. Старухе Гэ ничего не оставалось: она пошла за медяками, на каждом шагу оглядываясь, и с невыразимой неохотой передала их Гу Дао.

Гу Дао пересчитал деньги, убедился, что сумма верная, и с улыбкой вместе с тетушками попрощался со стариком Гэ. Старик Гэ смотрел в спину Гу Дао и чувствовал, что сердце у него обливается кровью. Зря потратил четыреста восемьдесят вэней, а достоинства так и не вернул ни на каплю.

Гу Дао было всё равно, что тот думает. Выйдя со двора семьи Гэ, он поблагодарил нескольких тетушек, которые только что помогли ему словами, и еще разделил между ними неиспользованные куриные потроха. Несколько тетушек были польщены до растерянности и даже не решались принять. В конце концов тетя Лю рядом уговорила их, и только тогда они взяли.

<http://bllate.org/book/17822/1714048>